

ЮСИФ-ЗАДА Аслан-Ага Ильгар оглы,
аспирант кафедры гражданского права и процесса
Академии труда и социальных отношений,
Управляющий партнер юридической компании «R&A Group Ltd.»,
e-mail: jurist_yusifzada@mail.ru

ОРГАНЫ И ТКАНИ ЧЕЛОВЕКА В СИСТЕМЕ ОБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА

Аннотация. В статье исследуется вопрос о месте органов и тканей человека в системе объектов гражданского права. Актуальность темы обусловлена тем, что развитие трансплантологии, клеточных технологий, биобанкинга, генетических исследований и обращения биомедицинских продуктов приводит к фактическому включению отделенных биоматериалов в имущественно-организационные связи, тогда как действующее гражданское законодательство прямо не определяет их правовую природу. Цель статьи состоит в выявлении критериев, позволяющих разграничить тело человека, неотделенные органы и ткани, отделенные биоматериалы, донорскую кровь, клеточные продукты и производные медицинского назначения. Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и телеологический методы. Обосновывается, что неотделенные органы и ткани не могут рассматриваться как объекты гражданских прав, поскольку они находятся в структуре личности и охраняются через режим жизни, здоровья, достоинства, физической неприкосновенности и автономии воли. После отделения от организма они приобретают признаки материального объекта, однако не становятся обычной вещью: их оборот допустим только в пределах публично значимой медицинской, научной или образовательной цели, при соблюдении запрета коммерциализации человеческого тела, режима информированного добровольного согласия и специальных требований к безопасности. Сделан вывод о необходимости закрепления в гражданском законодательстве категории ограниченно оборотоспособных биоматериалов человека как объектов *sui generis*, обладающих материальной, информационной и личностной составляющими. Такая модель позволяет согласовать частноправовую определенность, интересы медицины и науки, защиту достоинства личности и недопустимость превращения человеческого тела в предмет рыночного обмена.

Ключевые слова: трансплантация, трансплантология, органы и ткани человека, законодательство, донор, реципиент, правовая регламентация, объекты гражданского оборота.

YUSIF-ZADA Aslan-Agha Ilgar ogly,
Postgraduate student of the Department of Civil Law
and Procedure Academy of Labor and Social Relations,
Managing Partner of the law firm "R&A Group Ltd."

HUMAN ORGANS AND TISSUES IN THE SYSTEM OF OBJECTS OF CIVIL LAW

Annotation. The article examines the place of human organs and tissues in the system of objects of civil law. The relevance of the research is determined by the development of transplantation, cellular technologies, biobanking, genetic studies and biomedical products, which results in the factual involvement of separated biomaterials in property-related and organizational relations, while civil legislation does not expressly define their legal nature. The purpose of the article is to identify criteria for distinguishing the human body, non-separated organs and tissues, separated biomaterials, donated blood, cellular products and derivative medical materials. The research methodology includes formal legal, systemic, comparative legal and teleological methods. The article argues that non-separated organs and tissues cannot be treated as objects of civil rights, since they remain within the structure of personality and are protected through the legal regime of life, health, dignity, bodily integrity and autonomy of will. After separation from the body, they acquire the features of a

material object, but do not become ordinary things: their circulation is permissible only within a socially significant medical, scientific or educational purpose, subject to the prohibition of commercialization of the human body, the regime of informed consent and special safety requirements. The author concludes that civil legislation should recognize a category of limited-transferability human biomaterials as sui generis objects combining material, informational and personal elements.

Key words: *transplantation, transplantology, human organs and tissues, legislation, donor, recipient, legal regulation, objects of civil turnover.*

Проблема определения правовой природы органов и тканей человека относится к числу наиболее сложных вопросов современной цивилистики. Она находится на пересечении общей теории объектов гражданских прав, медицинского права, биоэтики, конституционно-правовой охраны достоинства личности и специальных публично-правовых режимов в сфере здравоохранения. Для классического гражданского права тело человека традиционно не является объектом имущественного господства: человек выступает субъектом права, а не вещью, имуществом или товаром. Однако развитие трансплантологии, биобанков, клеточных технологий, генетических исследований, производства биомедицинских клеточных продуктов и обращения донорской крови объективно привело к тому, что отделенные от организма органы, ткани, клетки и иные биоматериалы участвуют в системе организованных юридически значимых связей: изымаются, хранятся, транспортируются, исследуются, передаются медицинским и научным организациям, уничтожаются либо используются в лечебных целях.

Именно это противоречие формирует научную проблему: с одной стороны, органы и ткани человека обладают материальностью, индивидуальной определенностью, полезностью и способностью к обособлению; с другой стороны, их связь с личностью, достоинством, здоровьем, генетической информацией и запретом извлечения финансовой выгоды из человеческого тела не позволяет механически включить их в категорию вещей. В доктрине представлены разные подходы: от полного отрицания объектного статуса органов и тканей до признания их вещами после отделения от тела, а также до выделения особого объекта гражданских прав, не совпадающего с традиционным имуществом [2, с. 13–20; 4, с. 216; 6, с. 27–32].

Актуальность исследования усиливается тем, что статья 128 Гражданского кодекса Российской Федерации закрепляет общий перечень объектов гражданских прав, однако органы и ткани человека в нем прямо не названы. При этом специальные законы регулируют отдельные сферы обращения биоматериалов: трансплантацию, донорство крови и ее компонентов, обращение биомедицинских клеточных продуктов, меди-

цинское вмешательство и информированное добровольное согласие. Нормативное регулирование оказывается фрагментарным: оно отвечает на вопросы медицинской допустимости и публичной безопасности, но не формирует целостного гражданско-правового режима принадлежности, распоряжения, ответственности, допустимых сделок и пределов оборота.

Цель настоящей статьи состоит в определении места органов и тканей человека в системе объектов гражданского права и выработке критериев их гражданско-правовой квалификации. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: раскрыть различие между телом человека, неотделенными и отделенными биоматериалами; определить пределы применения вещно-правовой квалификации; выявить значение информированного добровольного согласия; оценить соотношение гражданско-правового и публично-правового регулирования; сформулировать авторскую модель правового режима органов и тканей человека как объектов *sui generis*.

Степень научной разработанности темы нельзя признать достаточной, несмотря на наличие значимых исследований. Общая теория объектов гражданских прав последовательно разрабатывалась в цивилистике, в том числе через критерии обособленности, полезности и включенности объекта в правовую связь [1, с. 542]. Специальные вопросы статуса тела, органов и тканей человека рассматривались М. Н. Малейной, Д. С. Донцовым, В. А. Трубиной, В. И. Фатхи и другими авторами [2, с. 13–20; 3, с. 243; 4, с. 216; 5, с. 38–42; 6, с. 27–32]. Вместе с тем сохраняется потребность в системном выводе, который позволил бы связать общегражданскую категорию объекта права с современными биомедицинскими технологиями и специальными законодательными запретами.

Методологическую основу исследования составили несколько взаимодополняющих методов. Формально-юридический метод использован для анализа конструкций объекта гражданских прав, оборотоспособности, нематериальных благ, информированного добровольного согласия, а также специальных запретов, установленных законодательством о трансплантации и охране здоровья. Системный метод позволил

рассмотреть органы и ткани человека не изолированно, а как элементы комплексного правового режима, в котором частноправовые и публично-правовые нормы выполняют разные функции. Сравнительно-правовой метод применен для учета зарубежной дискуссии о допустимости имущественно-правовых моделей в отношении человеческих тканей и частей тела. Телеологический метод использован для выявления целей регулирования: защиты личности, предотвращения коммерциализации человеческого тела, обеспечения доступности медицинской помощи и правовой определенности участников биомедицинского оборота.

В качестве нормативного материала учитываются положения гражданского законодательства об объектах гражданских прав и нематериальных благах, нормы законодательства об основах охраны здоровья граждан, трансплантации органов и тканей человека, донорстве крови и ее компонентов, а также об обращении биомедицинских клеточных продуктов.

Первый принципиальный вывод состоит в необходимости разграничивать три правовых состояния: тело человека как неотделимое выражение личности; органы и ткани, находящиеся в теле; органы, ткани, клетки и иные биоматериалы, отделенные от организма. Пока орган или ткань являются частью живого человеческого тела, они не обладают самостоятельной гражданско-правовой объектностью. Их нельзя рассматривать как имущество гражданина, как предмет сделки или как вещь, находящуюся в собственности. На этом этапе правовое значение имеет: жизнь, здоровье, достоинство, физическая неприкосновенность, врачебная тайна, согласие на медицинское вмешательство и право на отказ от него. Поэтому правомочие лица в отношении собственного тела не тождественно праву собственности: оно не включает свободного отчуждения, рыночной оценки и абсолютного имущественного господства.

Такой подход согласуется с позицией, согласно которой тело живого человека следует воспринимать как нематериальное благо, а не как вещь [5, с. 38–42]. Нематериальный характер в данном случае не означает отсутствия биологической материальности; он указывает на невозможность отделить тело от личности в юридическом смысле. Гражданское право защищает не тело как имущество, а личность от неправомерного вмешательства в телесную сферу. Поэтому любые действия по изъятию органа или ткани до момента отделения должны оцениваться прежде всего через режим медицинского вмешательства, информированного добровольного согласия, охраны здоровья и запрета принуждения.

Второй вывод состоит в том, что отделение органа, ткани, крови, клеток или иного биологического материала меняет юридическую ситуацию, но не устраняет полностью личностную связь объекта с человеком. Отделенный биоматериал приобретает физическую обособленность: его можно хранить, транспортировать, исследовать, использовать для лечения или уничтожить. С этого момента он способен быть предметом фактического обладания и организационных действий. Именно поэтому полное отрицание его объектного статуса не отражает реальность современного медицинского и научного оборота. В. А. Трубина справедливо связывает специфику таких материалов с их двойственной природой: они являются объектами материального мира и одновременно носителями генетической, медицинской и иной информации об оригинаторе [4, с. 216].

Вместе с тем отделенный биоматериал не становится обычной вещью. Применение к нему общего вещного режима наталкивается на несколько ограничителей. Во-первых, орган или ткань сохраняют происхождение от человеческого тела, что исключает их свободную коммерциализацию. Во-вторых, они могут содержать чувствительную информацию о здоровье, генетических особенностях и идентичности лица. В-третьих, их использование обычно связано с публично значимой целью: лечением реципиента, производством медицинского продукта, исследованием или обучением. В-четвертых, биоматериал может быть уникальным, невозполнимым или связанным с риском для донора. Следовательно, его правовой режим должен быть ограниченно-целевым, а не рыночным.

Третий вывод заключается в том, что категория оборотоспособности применима к органам и тканям человека только в модифицированном виде. В гражданском праве оборотоспособность обычно означает возможность объекта свободно отчуждаться либо переходить от одного лица к другому с учетом законных ограничений. Для человеческих органов и тканей исходным правилом является не свобода оборота, а запрет коммерческого оборота и допустимость строго целевого использования. Закон о трансплантации прямо исключает продажу органов и тканей; законодательство об охране здоровья требует добровольного согласия и запрещает принуждение; законодательство о биомедицинских клеточных продуктах строится на принципе добровольности и безвозмездности донорства биологического материала. Поэтому применительно к органам и тканям корректнее говорить не о свободной оборотоспособности, а о специальной допустимости перемещения и использования.

Четвертый вывод касается правовой природы информированного добровольного согласия. В биомедицинской сфере оно выполняет двойную функцию. С одной стороны, согласие является механизмом защиты физической неприкосновенности, поскольку изъятие биоматериала без согласия живого донора недопустимо. С другой стороны, согласие часто используется как основание дальнейшего хранения, исследования, передачи или уничтожения отделенного материала. Однако согласие нельзя полностью отождествлять с гражданско-правовой сделкой по отчуждению имущества. Оно направлено прежде всего на разрешение вмешательства и определение пределов использования биоматериала, а не на передачу права собственности в классическом смысле. Поэтому отказ от согласия, ограничение целей использования или отзыв согласия должны оцениваться не только через договорные категории, но и через приоритет охраны личности.

Пятый вывод состоит в необходимости различать органы и ткани, предназначенные для трансплантации, донорскую кровь и ее компоненты, репродуктивные клетки, биологический материал для клеточных продуктов, исследовательские образцы, патологический материал, удаленный в ходе медицинского вмешательства, и производные продукты. Эти объекты имеют разную степень связи с личностью, различный уровень восполнимости, неодинаковую публичную значимость и разные риски коммерциализации. Например, донорская кровь и ее компоненты вовлечены в системно организованное обращение: заготовку, хранение, транспортировку, клиническое использование и обеспечение безопасности. Однако донорство крови основано на добровольности и охране здоровья донора, а сама кровь не превращается в свободный товар. Аналогично биологический материал, используемый для производства биомедицинского клеточного продукта, не должен смешиваться с правовым режимом готового продукта, прошедшего специальную разработку, экспертизу, регистрацию и контроль качества.

Шестой вывод связан с вопросом принадлежности отделенного биоматериала. Вещно-правовая модель собственности на органы и ткани выглядит чрезмерно грубой, поскольку она предполагает исключительное имущественное господство и возможность распоряжения, несовместимые с запретом купли-продажи и достоинством личности. Однако полное отсутствие какой-либо модели принадлежности также порождает неопределенность: кто вправе хранить образец, кто отвечает за его утрату, можно ли использовать его для новой цели, каковы последствия нарушения режима согласия, кому

принадлежит производный результат. Оптимальной представляется конструкция ограниченного целевого правомочия: медицинская, научная или иная уполномоченная организация получает не право собственности на человеческий биоматериал в полном объеме, а законное владение и право использования в пределах согласованной и разрешенной законодательством цели.

Седьмой вывод касается ответственности. Если орган или ткань не являются обычным имуществом, это не означает невозможности гражданско-правовой защиты. Нарушение правил изъятия, хранения, использования или уничтожения биоматериала может повлечь компенсацию морального вреда, возмещение имущественных убытков, ответственность за ненадлежащее оказание медицинской услуги, защиту персональных данных и врачебной тайны. В некоторых случаях имущественные последствия возникают не потому, что биоматериал является товаром, а потому, что неправомерное обращение с ним нарушает личные неимущественные права, причиняет вред здоровью или разрушает законный интерес лица в контроле над использованием материала, происходящего из его тела.

Следовательно, органы и ткани человека занимают промежуточное положение между нематериальными благами и вещами. До отделения они являются частью личностной сферы и не могут быть объектами гражданского оборота. После отделения они становятся материальными объектами, но сохраняют личностно-информационную связь с донором или оригинатором. Поэтому их нельзя квалифицировать как обычные вещи, но можно рассматривать как особые ограниченно оборотоспособные объекты гражданских прав, допускаемые к юридически значимому использованию только в специальных целях и при усиленных гарантиях защиты личности.

Предложенная модель отличается как от жесткой вещно-правовой концепции, так и от полного отрицания объектного статуса органов и тканей. Жесткая вещно-правовая концепция обладает привлекательностью с точки зрения юридической техники: если объект отделен, материален и полезен, его можно включить в систему вещей. Однако такая простота достигается ценой игнорирования биоэтических и конституционных ограничений. Вещный режим переносит на человеческий материал логику рынка, отчуждения и абсолютного господства. В сфере трансплантации такой перенос особенно опасен, поскольку он способен легитимировать экономическое давление на уязвимых лиц, подменить донорство продажей и создать предпосылки для криминализации оборота.

Противоположная позиция, согласно которой органы и ткани вообще не могут быть объек-

тами гражданских прав, также недостаточна. Она правильно защищает достоинство личности, но не объясняет многочисленные отношения, возникающие после отделения биоматериала: хранение образцов в биобанке, перевозку донорской крови, использование тканей для исследования, уничтожение патологического материала, передачу клеточной линии в рамках производства медицинского продукта. Если гражданское право полностью исключает такие материалы из числа объектов, оно лишается инструментов для описания обязательств, рисков, ответственности и допустимых пределов использования.

Поэтому более убедительным является дифференцированный подход. Он исходит из того, что объект гражданских прав не обязательно должен быть товаром. Система объектов гражданского права шире рынка: она охватывает не только вещи и имущественные права, но и результаты работ, услуги, интеллектуальные результаты и нематериальные блага. В этом смысле органы и ткани человека после отделения могут быть признаны объектами гражданско-правового регулирования, но не объектами свободного гражданского оборота. Их объектность означает не возможность купли-продажи, а способность быть предметом правового режима: согласия, владения, хранения, использования, охраны, учета, ответственности и прекращения существования.

Возможное законодательное решение может состоять в дополнении гражданского законодательства общим указанием на биологические материалы человека как особые объекты гражданских прав, оборот которых допускается только в случаях и пределах, установленных законом. Такое решение не должно «разрушать» статью 128 ГК РФ и превращать органы в имущество. Напротив, оно позволило бы связать гражданско-правовую категорию объекта с конституционными и медицинскими гарантиями. В специальной норме целесообразно закрепить три признака: происхождение от человеческого организма; физическую отделенность либо возможность отделения в установленном законодательством порядке; допустимость использования исключительно в медицинских, научных, образовательных или иных прямо предусмотренных законом целях.

При этом законодательная модель должна учитывать различия между биоматериалами. Нерегенерируемые жизненно важные органы требуют максимально жесткого режима и не могут рассматриваться через призму имущественного интереса донора. Регенерируемые ткани, кровь и клетки допускают более развитые организационные формы обращения, но сохраняют запрет на превращение донорства в про-

дажу. Производные продукты, созданные с использованием человеческого биологического материала, могут иметь самостоятельный гражданско-правовой режим, поскольку в них появляется результат технологической переработки, экспертизы, регистрации и контроля качества. Однако даже такой режим не должен аннулировать требования к исходному согласию и защите информации об оригинаторе.

Особого внимания заслуживает информационный аспект. Современный биоматериал ценен не только как физическая субстанция, но и как носитель сведений о человеке. Генетическая и медицинская информация может сохраняться в отделенном образце независимо от того, осознают ли участники отношения ее значение. Поэтому правовой режим биоматериала должен соединять правила о материальном объекте с требованиями конфиденциальности, персональных данных, врачебной тайны и ограничения целей исследования. Иначе возможно парадоксальное последствие: сам материал будет передан законно, но содержащаяся в нем информация будет использована за пределами согласия и вопреки интересам лица.

Таким образом, гражданско-правовая квалификация органов и тканей человека должна строиться не по бинарной схеме «вещь — не вещь», а через многоуровневую конструкцию. На первом уровне защищается человек как субъект права и носитель достоинства. На втором уровне регулируется медицинское вмешательство и согласие на отделение материала. На третьем уровне возникает специальный режим отделенного биоматериала. На четвертом уровне возможен режим производного продукта или результата исследования. Только такое разграничение позволяет одновременно сохранить запрет коммерциализации человеческого тела и обеспечить правовую определенность отношений, которые уже существуют в медицинской и научной практике.

Проведенное исследование позволяет сформулировать несколько итоговых положений. Во-первых, органы и ткани человека до их отделения от организма не являются объектами гражданских прав. Они являются частью тела личности и охраняются через режим жизни, здоровья, достоинства, физической неприкосновенности, медицинской тайны и автономии воли.

Во-вторых, после отделения органы, ткани, клетки и иные биоматериалы приобретают признаки материального объекта, однако сохраняют связь с личностью, информацией о человеке и публично значимыми целями здравоохранения. Вследствие этого они не должны квалифицироваться как обычные вещи и не могут быть включены в свободный имущественный оборот.

В-третьих, наиболее обоснованной является квалификация отделенных органов и тканей человека как особых ограниченно оборотоспособных объектов гражданских прав. Такая объектность не означает допустимости купли-продажи. Она означает наличие специального режима законного владения, хранения, транспортировки, использования, учета, уничтожения и ответственности, действующего только в пределах медицинской, научной, образовательной или иной прямо разрешенной законом цели.

В-четвертых, информированное добровольное согласие следует рассматривать не как универсальную сделку отчуждения биоматериала, а как механизм защиты личности и определения пределов допустимого использования материала. Оно должно конкретизировать цель изъятия, возможные последующие способы использования, срок хранения, порядок обезличивания, условия уничтожения и пределы передачи третьим лицам.

В-пятых, развитие гражданского законодательства в данной сфере должно идти по пути закрепления общей категории биоматериалов человека как объектов *sui generis*, а также дифференциации режимов органов, тканей, крови, клеток, репродуктивного материала, исследовательских образцов и производных медицинских продуктов. Такая модель позволит избежать двух крайностей: коммерциализации человеческого тела и правового вакуума, в котором фактически существующие отношения не получают адекватного гражданско-правового описания.

Таким образом, органы и ткани человека в системе объектов гражданского права должны рассматриваться не как имущество в традиционном смысле, а как особая правовая категория, соединяющая материальный, личностный и информационный элементы. Именно это сочетание определяет пределы их оборота, специфику субъективных прав участников отношений и необходимость специальной гражданско-правовой защиты.

Список литературы:

- [1] Лапач В. А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002. 542 с.
- [2] Малеина М. Н. Статус органов, тканей, тела человека как объектов права собственности и права на физическую неприкосновенность // Законодательство. 2003. № 11. С. 13–20.
- [3] Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. 2-е изд., испр. и доп. М.: МЗ-Пресс, 2001. 243 с.
- [4] Трубина В. А. Ткани и органы человека как объекты гражданских прав. М.: Инфотропик Медиа, 2020. 216 с.
- [5] Донцов Д. С. Тело живого человека как нематериальное благо и гражданско-правовая защита его физической неприкосновенности // Медицинское право. 2011. № 2. С. 38–42.
- [6] Фатхи В. И. О правовом статусе органов и тканей человека в гражданском обороте // Юрист-Правовед. 2020. № 4 (95). С. 27–32.

References:

- [1] Lapach V. A. The System of Objects of Civil Rights: Theory and Judicial Practice. St. Petersburg: Juridical Center Press, 2002. 542 p.
- [2] Maleina M. N. The Status of Organs, Tissues, and the Human Body as Objects of Property Rights and the Right to Physical Integrity // Legislation. 2003. No. 11. pp. 13–20.
- [3] Maleina M. N. Personal Non-Property Rights of Citizens: Concept, Implementation, Protection. 2nd ed., corrected and supplemented. Moscow: MZ-Press, 2001. 243 p.
- [4] Trubina V. A. Human Tissues and Organs as Objects of Civil Rights. Moscow: Infotropic Media, 2020. 216 p.
- [5] Dontsov D.S. The body of a living person as an intangible asset and civil law protection of its physical integrity // Medical Law. 2011. No. 2. pp. 38–42.
- [6] Fathi V.I. On the legal status of human organs and tissues in civil circulation // Jurist-Pravoved. 2020. No. 4 (95). pp. 27–32.

